

ДВА АНГЕЛА

Сейчас уже трудно вспомнить, кто из нас двоих это предложил. Скорее всего, она: только у нее была привычка забираться на задворки немислимых галактик и носиться в поисках приключений. Разгонится – и ни за что ее не остановить, пока не увидит примечательный вид с мерцающей россыпью звезд на дымчатом фоне, или голубые вспышки, похожие на блуждающих духов, или еще какие-нибудь темные материи среди облаков газа и пыли. Во вкусах она была непостоянна, а еще часто капризна, игрива и шаловлива. Но черты эти так гармонично в ней соединились и были для меня необременительны, что я всегда находил им оправдание: они ее только украшают. Ее все замечали, это происходило потому, что она никого не обходила своим вниманием – каждый думал, что именно он есть предмет особого ее расположения. А внимание самой интересной и красивой не могло не льстить. Думаю, я приглянулся

ей, когда сказал, что в ее волосах заключена магическая сила. И в самом деле, они переливались в момент улыбки, искрились и испускали цветные волны во время полета, или же когда она вдруг зависала передо мной, изображая эффект остановленного мгновения, то волосы продолжали медленно волноваться в волшебном танце. Возможно, я единственный, кто угадал ее тайную страсть к своим волосам. Я бы добавил: ее мало что забавляло, точнее сказать, ее интересовало все – что одно и то же, потому что нахождение и в том, и в другом состоянии ей быстро надоедало, и по этой причине мы бесконечно перелетали с места на место. Да, теперь уже нет сомнения, – это она предложила, хотя ни за что не сознается, особенно после того, что с нами случилось.

Признаться, и мне нравились эти полеты, именно в этих стремительных путешествиях зародилась наша любовь, именно в полетах она была особенно привлекательной:

смешливой и обаятельной, – и мы, хотя и ненадолго, становились друг другу волнительно ближе. Стоило мне случайно коснуться ее руки, как она сладко меня обжигала, но от этого я только крепче сжимал эту руку, и ей это нравилось. Бывало, облетая какое-нибудь небесное тело, мы переворачивались на лихих виражах и, смеясь, сливались в единое целое – ситуация для меня чрезвычайно захватывающая, потому что я узнавал и переживал все ее мысли и чувства, а она – мои. И в том эфемерном состоянии, когда тела наши соединялись в одно целое, мы понимали, что между нами существует самая настоящая любовь, что мы созданы друг для друга. Тогда мы стали улетать все чаще и дальше, точно хотели сравнить силу и глубину наших чувств с неохватной Вселенной.

И, надо же, как далеко мы забрались! Земля открылась нам неожиданно, нас сразу же восхитил ее серо-голубой цвет, хотя мы, опережая друг друга, находили и другие цвета по мере приближения к ней. Вот она, белая в этой части, говорю, а здесь много зеленого – а тут она красная, любопытно, отчего это? – а ты сюда посмотри, это, наверное, молнии над ней бьют, видишь, дожди пошли, а там что? – ух, восторгалась она, какое впечатляющее сияние, прямо танцующие лучи, ведь мы такого еще не видели до сих пор, правда? – да, это тебе не каменные или стеклянные дожди, или там шальные ветры, что мы видели на других планетах, здесь все так гармонично – ты прав, она, без сомнения, самая красивая из всех планет – смотри, сколько на ней разных свечений, это, наверное, уже творение самих людей, интересно-то как – очень, вот бы оказаться среди них, меч-

тала она, если отсюда так красиво, то, представляешь, какие сами люди!..

С каждым словом мы становились ближе к Земле, и, по правде говоря, искать, чья вина в том, что мы попали к людям, не имеет смысла – мы оба не заметили, как оказались среди них. Только я сразу напомнил ей, что нам никак нельзя участвовать в жизни людей с нашей внутренней организацией. Она возразила: а в роли обычных людей можно: что не запрещено, то разрешено – привела она в оправдание один из сомнительных земных законов.

И в самом деле, мы не имели права вмешиваться в земной порядок через свои необычные для обитателей планет способности. Впрочем, то было излишним предостережением – как только ступили на землю, мы странным образом их лишились. Так даже лучше, обрадовалась она, мы будем настоящими земными влюбленными. Теперь уже я возразил: знаешь, не так-то и завидно быть среди людей, с которыми ты имеешь различные опыт и знания. Она сказала: ну раз мы оказались здесь, то отступать некуда – попробуем?

Мне бы не хотелось вспоминать всю процедуру нашего очеловечивания со всеми унижительными и нелепыми усилиями, которые мы прилагали, чтобы иметь там сносное существование. Не хочу заново переживать известные события, а только лишь упомяну о них. Во-первых, каково было нам, обителям Вселенной, искать себе жилище, чтобы не быть замеченными и поскорее раствориться среди людей. Поначалу мы поселились в намеченном к сносу заброшенном доме, а когда все-таки привлекли внимание зрителей

этих зданий, то, по счастью, смогли у них же получить работу по уборке прилегающих территорий. Мы им чем-то приглянулись и даже вызвали у них сочувствие, когда сказали, что мы вынужденные переселенцы и в данный момент занимаемся оформлением документов для регистрации. Вот вторых, мы теперь должны были питаться их едой, потому как стали испытывать чувство голода, как и они. Но принимать такую пищу оказалось для нас трудным испытанием. А еще мы не хотели соглашаться, что ради пропитания обязаны трудиться большую часть времени. Однако и с этим смирились: ведь дело наше – игра, и долго тут задерживаться не собираемся. В-третьих, мы не могли не принять мироощущение людей, чтобы понимать их образ мыслей и уметь с ними общаться. А вот это оказалось нам непосильно, точнее, непосильно мне.

Признаюсь, все это время я не переставал удивляться тому, на что люди тратят отпущенное им время. Что бы они там ни говорили, все прекрасно понимали, что им отведено очень мало для жизни, однако вели себя так, точно в их распоряжении вечность. И, вместо того чтобы строить себя для высшей жизни, они обустроивали свой маленький мир, не понимая, что так они никогда не полетят, как мы. Их ожидает бесконечное возвращение к самим себе, а это – бессмысленное кружение в непреодолимых ими пределах, сколько бы раз они ни рождались на свет.

Дальше нас ждало самое интересное, нами никак непредвиденное. Надо сказать, несмотря на низкое наше положение в человеческом обществе, у нас довольно быстро появились близкие знако-

мые и даже друзья, особенно у нее: с ее общительностью и красотой это получалось легко. Ее обаяние притягивало людей всех категорий, ей же оставалось только выбирать, кого приблизить. Она давала возможность с нею знаться только уверенным в себе людям, более состоятельным, с яркой внешностью, одним словом, интересным во всех отношениях. Следует добавить, что она в первые же дни отрезала свои волшебные волосы, чтобы совсем уже стать землянкой – пусть они будут обыкновенными и короткими, – так тянуло ее стать простым жителем этой планеты.

И меня несколько не удивила ее первая ко мне претензия: не нужно довольствоваться служебной комнатой, выделенной жилищной конторой, и жалкой зарплатой, едва хватающей на еду, а надо пытаться соответствовать нашему растущему авторитету среди людей. Да я и сам был рад соответствовать, однако занятие, которое я избрал себе для покорения людских душ, было – искусство, точнее, я рисовал. Но мои работы люди не совсем понимали, правильнее сказать: совсем не понимали. Поэтому я не только не мог на этом заработать, но даже заслужить уважение жителей нашего двора.

Она сердилась: ну кому нужны изображения миров, которых они никогда не видели: строение Вселенной, космические процессы, души ангелов, изломы времени, о которых они не имеют никакого представления, путь к Создателю, – они же существа примитивные, ты же видишь, как и чем они живут? Почему нельзя рисовать то, что они понимают и хвалят, за что готовы много платить и тем самым обеспечить нам приличное существование, пока мы здесь? А если я не

могу выразить себя достойно в этом деле, то отчего не попробовать в другом? Не могу освоить новое ремесло, то напротив нас дом строят, там кирпичи некому подносить.

Я отвечал, что и во всем другом буду таким же: я везде буду искать новые формы и доводить их до совершенства. Ведь наша задача – это обитателям Вселенной открыть Создателя. Разве она не знает, что мы не можем ни прямо их обманывать, ни вводить в заблуждение разными изощренными способами. К чему нам пользоваться уловками людей? Я как раз и рисую картины о людях: пространство человеческой души! Все эти непонятные, казалось бы, приемы – есть мой метод помочь им проникнуть в самую суть вещей. К чему показывать известные и понятные им темы в надоевших им формах? Хотя, согласен, большинство именно это и принимают за искусство. Но если не вывести людей из положения, в котором они сейчас находятся, не помочь им перейти на следующий уровень, то скоро они погибнут. Наше появление здесь неслучайно. Разве она не понимает, что человечество находится в состоянии, когда оно не может уже ничего нового дать Создателю, а такие галактики, как известно, уничтожаются, как себя не оправдавшие. Да и я не могу выбрать себе любое занятие, а только такое, которым сполна могу выразить себя и принести пользу. Или она хочет, чтобы я уподобился этим жалким существам и жил только лишь затем, чтобы добывать себе пропитание на протяжении всей нашей земной жизни? Кому, как не ей знать, что мы можем быть только такими, какими нам заповедано быть наставниками, забыла?

Она возражала: здесь все не то, к чему мы привыкли, мы находимся на конкретной планете со своими законами, так и жить надо по ним. Разве я не понял это после того, как мы потеряли наши сверхспособности? Мы обязаны принять все человеческое. Иначе – не вынесем раздвоенности.

Меня огорчало ее непонимание, и я всякий раз после наших раздоров чувствовал себя обессиленным, точно мне подрезали крылья, которых, к счастью, люди не видели. Мы были юными ангелами и мало знали мир Создателя и его обитателей, иначе не случилось бы между нами столько недоразумений. А наше посвящение в тайны Вселенной было далеко впереди.

А между тем разногласий становилось больше. Главным образом они состояли в том, что она упрямо тянулась к земной жизни и дорожила всеми ее благами, а я, помня о кратковременности нашего земного существования, не мог принять ее увлечений всерьез. Она сердилась, что ей приходится делать больше меня. Как бы мы жили, спрашивала она, если бы не ее искусство целительницы? И это притом, что она не использует, вернее, не может использовать свои истинные способности. Я чувствовал, что она теряет веру в мой талант, и мои оправдания, что времени прошло мало для того, чтобы люди могли понять глубину и важность моих работ, – не убеждали ее. Ну, где ж им понять, явила она, когда на их понимание не хватает даже целой человеческой жизни. Те, с кем мы начинали жить на земле, уже умерли, и нам, кстати, пора перебираться в другие края, пока здесь не заметили аномальную продолжительность наших жизней.

Нет ничего печальнее, наблюдать раздражение любимой, когда причиной такого ее состояния являешься ты. Я не мог переменить себя и жить по-другому – я стал упрашивать ее покинуть Землю. Она же ничего не хотела об этом слышать. Не счесть ссор и обид, которые произошли между нами в эти напряженные дни. Мы как-то сели и показали друг другу все раны, рубцы и ссадины на теле и внутренних органах, которые нанесли друг другу одними только словами. Мы обнялись, и на глазах наших выступили простые человеческие слезы. Возможно, тогда и появился тот, другой, а может, он появился еще раньше, я не знаю. Нет, сама она ничего о нем не говорила. Этот другой стал угадываться в ее поведении, в неприятно обжигающих ее выражениях, в резких перепадах настроения. Что-то мешало ей быть счастливой. Вот я и решил, что причина в появлении другого. Он возник в моем воображении с невероятной быстротой, как будто я знал его давно, он нарисовался со всеми деталями внешности и характера.

Да, ты прав, подтвердила она, он именно такой. Понимаешь, это – Земля, тут надо жить, трудиться, страдать, собирать в охапку любовь и восхищение людей, завоевывать этот мир – у людей нет иного смысла. Как ты это сделаешь – никого не волнует, ты должен побеждать во всем, в чем только можешь. Только такой ты интересен. Что бы ни изображали из себя эти люди, какие бы религии ни придумывали, как бы ни маскировались – они всегда остаются обычными людьми со своими слабостями. В этом не только их несчастье, но и очарование. В них присутствует неясный зов Вселенной, и они

раскрашивают ее, как могут. Ты прав, тот, о котором ты думаешь, человек деятельный, он умеет завоевывать внимание женщин, он интересен, он победитель и не может не нравиться. Признаюсь, ему удалось меня увлечь собой так сильно, что я даже в какую-то минуту приняла решение остаться с ним здесь навсегда, прости. Но то была только минута – такая маленькая земная минута. Да, он ловко сумел меня приземлить и завладеть моим сердцем, но я все же оказалась ему, как говорят, не по зубам. Вдруг я увидела, что он всего лишь маленькая, с крошечным земным сердцем, заводная игрушка, действия которой заведомо предопределены. Я поняла, что потом мне станет скучно и грустно. Нет, здесь больше делать нечего, ты прав: нам пора.

Мы покидали Землю с тяжелым сердцем: она – оставляя яркие впечатления, о многих из которых мне, возможно, было неизвестно, я – испытывая обыкновенную людскую ревность, но от этого не менее неутешную. Мы молча покинули пределы города, поднялись на ближайший холм и взмыли в ночное небо. Мы по-прежнему молчали, ни я, ни она не хотели нарушать течения своих мыслей. Но вдруг она сказала, что у нее будет ребенок, и радостно посмотрела на меня. Она плотнее пристроилась ко мне и взяла мою руку. Я не знал, что ответить: почему ребенок будет у нее, а не у нас? Почему она так сказала? И тут ко мне вернулась ревность и разбередила рану. Ну как же это: я так старался забыть историю посещения Земли, а оттуда долетает такой удар! Нет, в ее радостном взгляде, без сомнения, была издевка, она хотела меня наказать за ревность, иначе

выразилась бы яснее. Я не мог говорить, я снова и снова воображал картины ее измены. А она, быть может, в это время думала, что у меня перехватило дыхание от неожиданного счастья. Она устраивалась подо мной уютнее, вероятно, полагая, что в таких случаях слова излишни.

Мы достигли орбиты суровой скалистой планеты, когда она сказала, что подошли роды, и нам необходимо остановиться. Мы опустились к подножию высокой горы. Она быстро облетела эту небольшую планету и сказала, что роды вот-вот начнутся, она устроится в гроте за этой черной горой, а мне лучше всего ожидать ее здесь, и исчезла. Не помню, сколько ждал ее, но все это время я думал, что там, за горой, происходит что-то противоестественное, никак не возможное, причем замешанное на зле и обмане. Я был сердит и ненавидел себя за то, что на все происходящее реагирую теперь, как человек. Состоянию моему соответствовал облик этой планеты, который, по всей видимости, был переменчив – от плохого к еще более худшему, без радужных проблесков. Вскоре поднялся ветер, и начался камнепад, причем падали они не с окружающих нас гор, а отовсюду, возможно, эта планета притягивала блуждающие метеориты. Планету обволокла холодная тьма, за камнями посыпался крупный град с песком. Но что происходит там, за горой? Я был сердит, но, преодолевая себя, все-таки отправился на ту сторону. Я не мог найти там ничего, что напоминало бы грот: если он и существовал до камнепада, то был погребен. За нее беспокоиться, конечно, не

стоило, ей не грозило ничего, но вот сын человеческий, если она его достаточно не укрыла, мог пострадать. Впрочем, меня он интересовал меньше всего. И вот там, за дальним выступом скалы, я заметил пробивающийся из-под завалов золотистый свет. Разбросав в этом месте большие валуны, я нашел их. Она, обессиленная, спала, а рядом, на сверкающих золотом густых прядях ее волос, лежал ребенок, беспомощно шевеля ручками и ножками. Признаюсь, мне до того было больно его видеть, что я к нему даже не присмотрелся. Не знаю, что именно подвигло меня к такому решению, но оно пришло мгновенно, и было единственной и неопровержимой мыслью в моей голове. Я взял ребенка и, все так же на него не глядя, поднялся ввысь под хлестким леденящим ветром и выпустил его в космическое пространство. Я задал ему направление в сторону Земли: пусть он пребудет там, где зародился, пусть живет среди своих.

В пути она все время спала. Едва открыв глаза, спросила о сыне. Я сказал, что скоро конец нашего пути. Спросил: а помнит ли она камнепад во время родов, страшные космические бури, крушение и гибель той маленькой планеты, где мы остановились? Она ответила: смутно. А затем, подумав, добавила: мы стали как люди, что-то можем не помнить, а что-то забывать, у нас не хватает на все воли и сил. Обрадованный таким ее признанием, я сообщил ей, что в той катастрофе сын человеческий погиб, и я отправил его останки на Землю. Она грустно улыбнулась и сказала: ревнивый и глупый обманщик, с ним ничего не

может случиться – он наш с тобою сын, он сын этих бескрайних просторов. Она отвернулась и больше ничего не говорила...

Это уже потом я увижу, как он достигнет заданной мной цели, как, мокрый и скользкий, рухнет на прибрежный морской песок, а

великая ночь скажет ему: «Ты – сын мой». А я почувствую неизбывную боль и вековечную с ним связь: как с родным существом, как с надеждой и смыслом моего существования, как с единственным моим отражением во Вселенной.

НА ЗАДВОРКАХ ВСЕЛЕННОЙ

Я оказался на задворках Вселенной, где истекают последние минуты моей жизни, и услышал, как кто-то в такт невидимых космических часов злорадно отсчитывает финальные деления. Сколько их у меня осталось, почему за всю свою жизнь я не сделал ничего значительного и что я могу еще успеть? Судорожно ищу малейшую возможность продлить свою земную жизнь: за что могу зацепиться, кого позвать на помощь? Ищу причины бесславного конца: в чем я ошибался, где и как растерял драгоценное время? Я же знал, что все подчинено времени, и оно мне отмерено строго без излишков. Эту мысль с юных лет мне внушали старшие, но я не понимал, как им дорожить, как жить в ладу, как запастись впрок, не знал ему цены. И только в последние годы я вдруг понял, что время исчезает: я почувствовал, как оно незаметно стекает с меня тихими невидимыми струйками.

Как-то, смотрясь в зеркало, я обнаружил, что времени осталось мало: частично оно ушло из моих волос, рук, груди, лица. Но самое неприятное – его в большей степени лишились мои глаза: взгляд мой стал грустным, неумолимо печальным, пугающе опустошенным. Как же так? Я же был уверен,

что сберегал время, когда оказывался в благостном уединении и предавался размышлениям о высоких предметах, в азарте любимой работы, в стремлении слиться с Вечностью через хитроумно выстроенные мною модели Вселенной, где в центре ее неминуемо оказывался я в роли царствующей персоны. Я не только сберегал, но и восстанавливал время, копил и умножал его всякий раз, когда брался за умные книги, общался с красивыми женщинами, когда беспечно наблюдал природу и смаковал каждое мгновение жизни. Но как получилось, что при этом я незаметно себя обкрадывал?..

И вот, лежа здесь, в космической пыли, я пытаюсь вспомнить, где и как это произошло, почему я, всегда бережливый, без всякой пользы истратил значительную часть отведенного мне времени? Я задавал себе эти вопросы, как будто ответы на них теперь могут иметь какое-то значение. И увидел я, как иссыхал и старел, когда вел бессмысленные разговоры с ничемными людьми. Когда, изменяя себе, не занимался делом, определенным мне судьбой и отмеренным по таланту. Когда не сознавал, что пользовался чужими мыслями, чужими победами, восхищался чужими женщинами, грелся светом

чужой любви. Когда, забыв о неподражаемом мире внутри себя, сам подражал окружающим: копировал их образ жизни, вкусы, мастерство, их увлечения и предпочтения. Когда сдался, наконец, внушенной мне с детства мысли о конечности своего земного пути и перестал замечать бесконечное небо над собой и в себе...

Во всех этих случаях время

понемногу меня оставляло, и раз за разом я старел, как магрибский колдун после каждого своего злодеяния. Вот и достиг я конца своего пути. Теперь я лежу на задворках Вселенной, где истекают последние мгновения моей жизни, и слышу, как кто-то в такт невидимых космических часов злорадно отсчитывает ее финальные деления.

ЗЕРКАЛО

Бывает, я вижу во сне, как сажусь перед мнимым зеркалом и раскрашиваю свое бесцветное тело красками, в которых хочу себя увидеть. Но вскоре, отчаявшись добиться желаемого портрета, разбиваю призрачное зеркало и ухожу. Я слишком знаю себя, чтобы обмануться подобными играми. А все потому, что я человек текучий, меняющийся не от возраста или под действием невзгод, страха или условий существования, как это, вероятно, бывает у большинства людей, — а человек, рассыпающийся от малейшего удара, развеивающийся от легкого дуновения ветра, сгорающий от страсти каждую минуту и возникающий из пепла сейчас же. Поди поймай меня и попытайся взвесить и оценить строй моей души, успеи зафиксировать в каком-нибудь облике, поторопись смешать и положить на меня краски, чтобы сделать достоянием общественности, — так не выйдет же ничего!

У меня, вероятно, нет того, что называют *мировоззрением* — устоявшегося, цельного представления о Вселенной или о мире людей. Ну что делать — не сделал себе такого роскошного подарка: не смог, не осилил, не хватило

таланта, не повезло. Я — человек, беспечно созерцающий мир, определение, которое раздражает и угнетает меня самого всякий раз, когда хочу обрести, что называется, твердую почву под ногами, стать деятельным, создавать важные и нужные вещи для людей, в общем, стать ценным и полезным человеком. Правильнее было бы назвать мой случай *миросозерцанием* — без направления, без определенной цели, без системы. Я — бесполезный созерцатель! Не могу отделаться от аналогии, создаваемой созвучьем со словом *мерцание*. Мерцающий, пульсирующий мой ум сейчас видит одно, а через мгновение совершенно другое, причем — имея дело с одним и тем же предметом. Он видит разную природу вещей в разное время их наблюдения, даже людей: какой-нибудь неприглядный их поступок в одно время — в другой раз ему покажется вполне невинным и даже симпатичным. Этот ум напоминает калейдоскоп для взрослых — сложный, разнообразный, импульсивный, карнавальный. И бесконечно меняющийся без повторов. Он не терпит ничего устоявшегося, не

дает заостенеть ничему вокруг себя, он требует новых комбинаций миров и новые их объяснения каждый раз, ему всегда подавай новые ощущения. Мой ум не обладает ни твердыми знаниями, ни глубиной, ни оригинальностью, ни какими-нибудь замечательными способностями – его осо-

бенность только лишь в том, что он состоит из множества темных помещений неизвестного происхождения, в каждом из которых есть какая-нибудь неразрешимая тайна. И с тайн этих неудержимо стекают самые устойчивые краски мира, как бы старательно я их ни наносил.

НОЧЬ

Каждое мое утро – это болезненное отрезвление от сладкого пьяного веселья, которое еще только несколько часов назад казалось нескончаемым. Я боюсь утра: я не хочу вступать в освещенный им мир, я не желаю входить ни в какие отношения, я не хочу трудиться ни на какое благо, я не в состоянии творить... День же мой – это совершеннейшее недоумение: все мои попытки изобразить свою заинтересованность в жизни, зарабатывание денег, желание быть значимым и забота о будущем столь смешны, жалки и бессмысленны, что порою хочется остановиться посреди дороги, на полуслове в разговоре, в момент рукопожатия, на пике делового соглашения или даже в самый жар романтических отношений и признать себе и другим, что вся наша жизнь – глупая затея, кто бы ее ни придумал... Но вечером, оставив позади суету дня со всеми переживаниями, зная, что они отстанут от меня до следующего дня и мне не нужно о них заботиться, я вдруг наливаюсь желанием жить во что

бы то ни стало, вопреки всем трудностям и неверию в себя... И только глубокой ночью, которая каждый раз оказывается волшебной, я живу полной жизнью – мне не хватает всего мира, я не могу упиться его красотой, моему сердцу недостает силы, чтобы пережить все сладкие волнения, возникающие в нем. Мне открываются незнакомые миры, я могу совершать то, чего утро *боится*, день *не позволяет*, а вечер совершить *не решается*. Между мной и какой-то неведомой мне могущественной силой происходит тайное соглашение, и я получаю способность видеть то, чего прежде не замечал, знать то, о чем даже не помышлял, любить ту, которая была мне недоступна, и самому стать любимым ею, – передо мной возникает новый мир: красивый, загадочный, благополучный. И в этот момент приходит вера, природа которой совершенно мне необъяснима, а вместе с нею – понимание того, что много лет назад в моем появлении на свет был особый, величественный и неумолимый смысл.